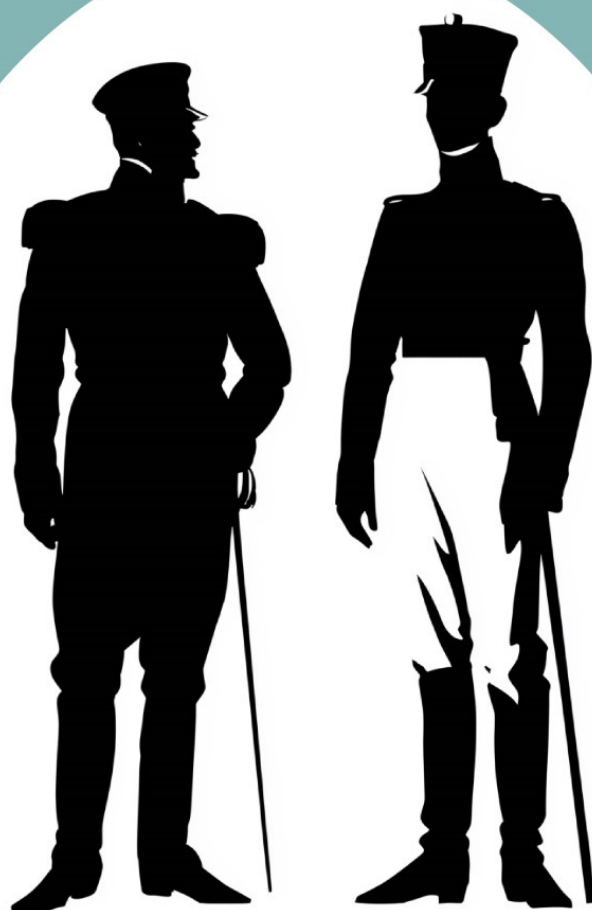

Литрес ≡ Классика

Лев Толстой

ДВА ГУСАРА

Лев Толстой

Два гусара

«ЛитРес»

1856

Толстой Л. Н.

Два гусара / Л. Н. Толстой — «ЛитРес», 1856

Повесть противопоставляет два поколения: блестящего и бесшабашного графа Турбина-старшего, гусара эпохи 1820-х годов, и его сына, более расчётливого и приземлённого офицера 1840-х. Через любовные приключения, бытовые сцены и столкновения характеров Толстой показывает, как изменились нравы и само представление о чести, искренности и широте души. Это размышление о том, что истинное благородство проявляется не в мундире и молодечестве, а в отношении к людям.

© Толстой Л. Н., 1856

© ЛитРес, 1856

Содержание

I	6
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лев Николаевич Толстой

Два гусара

Посвящается графине М.Н. Толстой

*...Жоини да Жоини,
А об водке ни полслова...*

Д. Давыдов

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссейных дорог, ни газового, ни стеаринового света, ни пружинных низких диванов, ни мебели без лаку, ни разочарованных юношей со стеклышками, ни либеральных философов-женщин, ни милых дам-камелий, которых так много развелось в наше время, – в те наивные времена, когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашнего приготовления, ехали восемь суток по мягкой пыльной или грязной дороге и верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики, – когда в длинные осенние вечера нагорали сальные свечи, освещая семейные кружки из двадцати и тридцати человек, на балах в канделябры вставлялись восковые и спермацетовые свечи, когда мебель ставили симметрично, когда наши отцы были еще молоды не одним отсутствием морщин и седых волос, а стрелялись за женщин и из другого угла комнаты бросались поднимать нечаянно и не нечаянно уроненные платочки, наши матери носили коротенькие талии и огромные рукава и решали семейные дела выниманием билетиков; когда прелестные дамы-камелии прятались от дневного света, – в наивные времена масонских лож, мартинистов, тугендбунда, во времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных, – в губернском городе К. был съезд помещиков и кончались дворянские выборы.

I

– Ну, все равно, хоть в залу, – говорил молодой офицер в шубе и гусарской фуражке, только что из дорожных саней, входя в лучшую гостиницу города К.

– Съезд такой, батюшка ваше сиятельство, огромный, – говорил коридорный, успевший уже от денщика узнать, что фамилия гусара была граф Турбин, и поэтому величавший его «ваше сиятельство». – Афремовская помещица с дочерьми обещались к вечеру выехать: так вот и изволите занять, как опростается, одиннадцатый номер, – говорил он, мягко ступая впереди графа по коридору и беспрестанно оглядываясь.

В общей зале перед маленьким столом, подле почерневшего, во весь рост, портрета императора Александра, сидели за шампанским несколько человек – *здешних* дворян, должно быть, и в сторонке какие-то купцы, проезжающие, в синих шубах.

Войдя в комнату и зазвав туда *Блюхера*, огромную серую меделянскую собаку, приехавшую с ним, граф сбросил заиндевевшую еще на воротнике шинель, спросил водки и, оставшись в атласном синем архалуке, подсел к столу и вступил в разговор с господами, сидевшими тут, которые, сейчас же расположенные в пользу приезжего его прекрасной и открытой наруж-

ностью, предложили ему бокал шампанского. Граф выпил сначала стаканчик водки, а потом тоже спросил бутылку, чтоб угостить новых знакомых. Вошел ямщик просить на водку.

– Сашка, – крикнул граф, – дай ему!

Ямщик вышел с Сашкой и снова вернулся, держа в руке деньги.

– Что ж, батюшка васясо, как, кажется, старался твоей милости! полтинник обещал, а они четвертак пожаловали.

– Сашка! дай ему целковый!

Сашка, потупясь, посмотрел на ноги ямщика.

– Будет с него, – сказал он басом, – да у меня и денег нет больше.

Граф достал из бумажника единственные две синенькие, которые были в нем, и дал одну ямщику, который поцеловал его в ручку и вышел.

– Вот пригнал! – сказал граф, – последние пять рублей.

– По-гусарски, граф, – улыбаясь, сказал один из дворян, по усам, голосу и какой-то энергической развязности в ногах, очевидно, отставной кавалерист. – Вы здесь долго намерены пробыть, граф?

– Денег достать нужно; а то бы я не остался. Да и номеров нет. Черт их дери, в этом кабаке проклятом...

– Позвольте, граф, – возразил кавалерист, – да не угодно ли ко мне? я вот здесь, в седьмом номере. Коли не побрезгуете покамест проночевать. А вы пробудьте у нас денька три. Нынче же бал у предводителя. Как бы он рад был!

– Право, граф, погостите, – подхватил другой из собеседников, красивый молодой человек, – куда вам торопиться! А ведь это в три года раз бывает – выборы. Посмотрели бы хоть на наших барышень, граф?

– Сашка! давай белье: поеду в баню, – сказал граф, вставая. – А оттуда, посмотрим, может, и в самом деле к предводителю дернуть.

Потом он позвал полового, поговорил о чем-то с ним, на что половой, усмехнувшись, ответил, «что все дело рук человеческих», и вышел.

– Так я, батюшка, к вам в номер велю перенести чемодан, – крикнул граф из-за двери.

– Сделайте одолжение, осчастливите, – отвечал кавалерист, подбегая к двери. – Седьмой номер! не забудьте.

Когда шаги его уже перестали быть слышны, кавалерист вернулся на свое место и, подсев ближе к чиновнику и взглянув ему прямо улыбающимися глазами в лицо, сказал:

– А ведь это тот самый.

– Ну?

– Уж я тебе говорю, что тот самый дуэлист-гусар, – ну, Турбин, известный. Он меня узнал, пари держу, что узнал. Как же, мы в Лебедяни с ним кутили вместе три недели без просыпу, когда я за ремонтом был. Там одна штука была – мы вместе сотворили, – от этого он как будто ничего. А молодчина, а?

– Молодец. И какой он приятный в обращении! ничего так не заметно, – отвечал красивый молодой человек, – как мы скоро сошлись... Что, ему лет двадцать пять, не больше?

– Нет, оно так кажется; только ему больше. Да ведь надо знать, кто это? Мигунову кто увез? – он. Саблина он убил, Катаева он из окошка за ноги спустил, князя Нестерова он обыграл на триста тысяч. Ведь это какая отчаянная башка, надо знать! Картежник, дуэлист, соблазнитель; но гусар – душа, уж истинно душа. Ведь только на нас слава, а коли бы понимал кто-нибудь, что такое значит гусар истинный. Ах, времечко было!

И кавалерист рассказал своему собеседнику такой лебедянский кутеж с графом, которого не только никогда не было, но и не могло быть. Не могло быть, во-первых, потому, что графа он никогда прежде не видывал и вышел в отставку двумя годами раньше, чем граф поступил на службу, а во-вторых, потому, что кавалерист никогда даже не служил в кавалерии, а четыре

года служил самым скромным юнкером в Белевском полку и, как только был произведен в прапорщики, вышел в отставку. Но десять лет тому назад, получив наследство, он ездил действительно в Лебедин, прокутил там с ремонтерами семьсот рублей и сшил себе уже было уланский мундир с ранжевными отворотами, с тем чтобы поступить в уланы. Желание поступить в кавалерию и три недели, проведенные с ремонтерами в Лебедине, осталось самым светлым, счастливым периодом в его жизни, так что желание это сначала он перенес в действительность, потом в воспоминание и сам уже стал твердо верить в свое кавалерийское прошлое, что не мешало ему быть по мягкосердечию и честности истинно достойнейшим человеком.

– Да, кто не служил в кавалерии, тот никогда не поймет нашего брата. – Он сел верхом на стул и, выставив нижнюю челюсть, заговорил басом. – Едешь, бывало, перед эскадроном; под тобой черт, а не лошадь, в ланцадах вся; сидишь, бывало, этак чертом. Подъедет эскадронный командир на смотр. «Поручик, говорит, пожалуйста – без вас ничего не будет – проведите эскадрон церемониалом». Хорошо, мол, а уж тут – есть! Оглянешься, крикнешь, бывало, на усачей своих. Ах, черт возьми, времечко было!

Вернулся граф, весь красный и с мокрыми волосами, из бани и вошел прямо в седьмой номер, в котором уже сидел кавалерист в халате, с трубкой, с наслаждением и некоторым страхом размышлявший о том счастье, которое ему выпало на долю, – жить в одной комнате с известным Турбиным. «Ну, что, – приходило ему в голову, – как вдруг возьмет да разденет меня, голого вывезет за заставу да посадит в снег, или... дегтем вымажет, или просто... Нет, по-товарищески не сделает...» – утешал он себя.

– Блюхера накормить, Сашка! – крикнул граф.

Явился Сашка, с дороги выпивший стакан водки и захмелевший порядочно.

– Ты уж не утерпел, напился, каналья!.. Накормить Блюхера!

– И так не издохнет: вишь, какой гладкий! – отвечал Сашка, поглаживая собаку.

– Ну, не разговаривать! пошел накорми.

– Вам только бы собака сыта была, а человек выпил рюмку, так и попрекаете.

– Эй, прибыло! – крикнул граф таким голосом, что стекла задрожали в окнах и кавалеристу даже стало немного страшно.

– Вы бы спросили, ел ли еще нынче Сашка-то что-нибудь. Что ж, бейте, коли вам собака дороже человека, – проговорил Сашка. Но тут же получил такой страшный удар кулаком в лицо, что упал, стукнулся головой о перегородку и, схватясь рукой за нос, выскочил в дверь и повалился на ларе в коридоре.

– Он мне зубы разбил, – ворчал Сашка, вытирая одной рукой окровавленный нос, а другой почесывая спину облизывавшегося Блюхера, – он мне зубы разбил. Блюшка, а все он мой граф, и я за него могу пойти в огонь – вот что! Потому он мой граф, понимаешь, Блюшка? А есть хочешь?

Полежав немного, он встал, накормил собаку и, почти трезвый, пошел прислуживать и предлагать чаю своему графу.

– Вы меня просто обидите, – говорил робко кавалерист, стоя перед графом, который, задрав ноги на перегородку, лежал на его постели, – я ведь тоже старый военный и товарищ, могу сказать. Чем вам у кого-нибудь занимать, я вам с радостью готов служить рублей двести. У меня теперь нет их, а только сто; но я нынче же достану. Вы меня просто обидите, граф!

– Спасибо, батюшка, – сказал граф, сразу угадав тот род отношений, который должен был установиться между ними, трепля по плечу кавалериста, – спасибо. Ну, так на бал поедem, коли так. А теперь что будем делать? Рассказывай, что у вас в городе есть: хорошенькие кто? кутит кто? в карты кто играет?

Кавалерист объяснил, что хорошеньких пропасть на бале будет; что кутит больше всех исправник Колков, вновь выбранный, только что удали нет в нем настоящей гусарской, а так

только – малый добрый; что Илюшкин хор цыган здесь с начала выборов поет, Стешка запевает, и что нынче к ним *все* от предводителя собираются.

– И игра есть порядочная, – рассказывал он. – Лухнов, приезжий, играет с деньгами, и Ильин, что в восьмом нумере стоит, уланский корнет, тоже много проигрывает. У него уже началось. Каждый вечер играют, и какой малый чудесный, я вам скажу, граф, Ильин этот: вот уж некупой – последнюю рубашку отдаст.

– Так пойдем к нему. Посмотрим, что за народ такой, – сказал граф.

– Пойдемте, пойдемте! Они ужасно рады будут.

II

Уланский корнет Ильин недавно проснулся. Накануне он сел за игру в восемь часов вечера и проиграл пятнадцать часов сряду, до одиннадцати утра. Он проиграл что-то много, но сколько именно, он не знал, потому что у него было тысячи три своих денег и пятнадцать тысяч казенных, которые он давно смешал вместе с своими и боялся считать, чтобы не убедиться в том, что он предчувствовал, – что уже и казенных не доставало сколько-то. Он заснул почти в полдень и спал тем тяжелым сном без сновидений, которым спится только очень молодому человеку и после очень большого проигрыша. Проснувшись в шесть часов вечера, в то самое время, как граф Турбин приехал в гостиницу, и увидав вокруг себя на полу карты, мел и испачканные столы посреди комнаты, он с ужасом вспомнил вчерашнюю игру и последнюю карту – валета, которую ему убили на пятьсот рублей, но, не веря еще хорошенько действительности, достал из-под подушки деньги и стал считать. Он узнал некоторые ассигнации, которые углами и транспортами несколько раз переходили из рук в руки, вспомнил весь ход игры. Своих трех тысяч уже не было, и из казенных не доставало уже двух с половиною тысяч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.